

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ДОСТОЕВСКИЙ
—
МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

—
3
—

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1978

желый характер Врангеля довольно часты (см., например, письмо к М. Д. Исаевой из Семипалатинска от 4 июня 1855 г. — П., I, 154).

И конечно же, человек, обладающий таким характером и, в частности, такой чувствительностью, не мог не ощутить изменившегося уже в начале 60-х годов отношения к нему Достоевского. И, наверное, поэтому переписка внезапно обрывается на целых четыре года, после чего Врангель сам пишет Достоевскому письмо, в котором напоминает ему «о прежней горячей дружбе», пытаясь возобновить былые отношения (см. письмо № 6). Из этого письма интересно извлечь автохарактеристику Врангеля как семипалатинского периода (двадцатишестилетнего красавца, «вертопраха, шатавшегося без цели по белому свету», «в погоне за мечтами», так и того времени, когда он стал «положительным», «честным службистом», «добрый отцом семейства», довольным женою и детьми, службой и начальством (письмо № 6). И не в этой ли перемене причина столь резкого охлаждения Достоевского к прежнему другу? Переписка, однако, на некоторое время возобновляется: после второго напоминания Достоевский пишет Врангелю обстоятельное, искреннее письмо, рассказывает ему о смерти брата и жены (письмо от 31 марта 1865 г.); а в октябре этого же, 1865 г., он гостит у Врангеля в Копенгагене и делится с ним планами на будущее, приглашает его печататься в задуманной «Эпохе» (см. письмо № 9). В этом же году Врангель одолжил Достоевскому денег, и последующая переписка в значительной мере свелась к вопросу о возвращении этого долга. Для Достоевского Врангель попал в ряд докучливых кредиторов (см. письмо к А. Г. Достоевской из Гомбурга от 17 мая и. ст. 1867 г. — П., II, 6). В последний раз они встретились через семь с лишним лет, в 1873 г. в Петербурге. Достоевский зашел вернуть долг. Врангель писал позднее об этой встрече: «Время и долгая разлука, конечно, наложили свою печать на наши отношения, к тому же в этот день он показался мне раздраженным и нервным: куда-то торопился. О прошлом ни слова; он даже не сказал мне, что он вторично женился и как идут дела его...» (Врангель, с. 219).

В 1908 г. Врангель закончил свои воспоминания о том Достоевском, «каким знал его в Сибири в пятидесятых годах, хотя несчастного, больного, но еще не надломленного, бодрого и сильного духом» (Врангель, с. 36). Он подробнейшим образом описал и «жизнь <...> Достоевского бессрочным солдатом в Семипалатинске», и различные круги семипалатинского общества в их отношении к Достоевскому; он беспристрастно обрисовал «цвет» общества, в котором «мужчины пили, ели, играли, скандалили и ездили по гостям к богатым татарам», а «жены сплетничали»; он вспомнил едва ли не обо всех лицах, которые имели какое-либо отношение к писателю — от генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта до красавицы цыганки «Ваньки-Таньки» и слуги самого Вран-

супруги Мары Дмитриевны; денег, душа моя, у меня самого нет ни копейки, и я не знаю еще, когда выплю свой долг Степанову⁹ в 114 р^{ублей} с^{ебрром}, но офицерские вещи я Вам выплю, а брат Ваш пришлет Вам денег, если уже не выслал; Вы еще получите от Гернгросса¹⁰ Мой чемодан, возьмите его себе со всем, что в нем есть, а именно: рубашки, подштанники, столовое белье; простины, носки, фуляр и платье — оно Вам пригодится. Теперь мне нужна новая экипировка, и я уверен, что Вы поймете, что я даю это Вам как брат и друг от доброго сердца. Тоже писал я ему выслать Вам мою постель походную. Взяли ли вы самовар, посуду и кастрюли для себя у Степанова? Я Тотлебена не видел, он снова уехал за границу, но только что приеду в город, то все разузнаю и подробно напишу. Скажите теперь, что Вы думаете делать и не желаете ли быть переведенным, напишите мне все подробно, я даю Вам честное слово, что буду хлопотать и по возможности стараться исполнить Ваши поручения. Как Ваше здоровье и расположение духа? что делает Марья Дмитриевна? в каком положении ее дела и отношения с Вами? что Семипалатинск и его обитатели? Я с отцом своим в самых лучших отношениях и, вероятно, буду зимой в Екатеринбурге и Ирбите; ах, душа моя, сердце замирает, когда вспомню, что это так близко от Барнаула и Вас. Я видел здесь Марковникова, Спасского и Фридерикса всех на балу на одну минуту, что это всё за дурачье!¹¹ На днях представлялся Константину Николаевичу, человек весьма умный il m'a éblouit par ses connaissances en fait de géographie et d'histoire des voyages;¹² и, кроме дипломатической переписки, получил поручения своего предшественника Гончарова,¹³ лай-то бог только силы исполнить все хорошенько и не ударить лицом в грязь. Ради бога пишите, как поживаете и что поделываете. Есть у меня до Вас большая просьба — умоляю, спасите мои книги и возьмите их у Степанова, я, если нужно, напишу ему об этом. Гернгросса книги, как-то Hoffmanns Werke и несколько французских романов, перешлите ему, а мне пока выпишите Faunu russkую и все, что относится до Сибири и путешествий, и вот как сделайте это: укупорите и попросите кого-нибудь, кто поедет на Ирбитскую ярмонку, взять это с собой и в Ирбите отдать кому-нибудь знакомому купцу, едущему через Казань или Екатеринбург, с тем чтобы он сдал их там в конторы вольных почт наших для пересылки мне. Особенно прошу Вас спасти мне фауну и китайские безделицы и минералы. Пришлите мне список книг, я напишу, что желал бы иметь и что передать Вам в потомственное владение. Получили ли Вы мой портрет через Madame X?

Здесь все тихо и смирино; все это время только и говорили о коронации, праздниках, новых назначениях и переменах. В продолжение $1\frac{1}{2}$ месяца Петербург был пуст, хоть шаром покати, зато теперь опять полон и на всяком шагу видишь иностранцев. Гвардии пехота вся уже перевезена, а кавалерия будет только около 15-го ноября; в составе армии большие перемены, между

мени нашей разлуки у меня не было такого друга, как Вы, да и не с кем было отвести сердца — это моя вечная болезнь, которая сильно меня мучит. Сошелся я с одною прекрасною женщиною, ангелом, но муж ее ревнует, мучит ее и меня, и даже нам не позволено душа в душу болтать на балах. С отцом дела мои лучше, особенно важны для меня эти дни, что он скажет: я один выиграл и спас ему 150 *тысяч* р_{ублей} с *серебром* — даст ли он мне хоть несколько сот, чтобы устроиться в Питер.

Как Ваше здоровье, что Марья Дмитриевна, Ваня⁶... Боже мой, сколько нам надо переговорить и вспомнить; очень, очень кланяюсь Марье Дмитриевне.

Quant à moi, je suis resté le même, tantôt triste a battu, silencieux, tantôt rieur et gai comme un polisson de deux ans. Chez moi tant depend d'un rien, d'un ciel gris, d'une mouche qui bourdonne, d'une parole lancée au hazard — tellement je suis nerveux. Je me sens malade, aigrie et vieux ou plutôt blaize ce qui est pire.⁷

Сожалею, что не могу Вас принять, когда Вы приедете в Питер, к себе — у меня, душа моя, за душою нет даже своей крови! Все на биваках и у добрых людей — когда-то наконец и я пристроюсь и успокоюсь. Прощайте — до свидания, обнимаю Вас всех, Ваш друг

Александр Врангель.

Буду скоро писать.

¹ См. письмо Достоевского к Врангелю от 22 сентября 1859 г. (П., I, 253).

² Врангель Егор Петрович, барон, генерал-лейтенант, в 1856—1865 гг. попечитель Виленского учебного округа. В молодости был дружен со многими из декабристов (см. об этом: *Врангель*, с. 191).

³ См. письмо Достоевского к Э. И. Тотлебену от 4 октября 1859 г. (П., I, 259—260).

⁴ См. письмо 1, примеч. 7.

⁵ Боб — семипалатинский знакомый Достоевского и Врангеля. См. упоминание о нем в письме Достоевского к Врангелю из Семипалатинска от 9 марта 1857 г. (П., I, 218).

⁶ Врангель ошибочно называет Ваней сына Марии Дмитриевны Пашу. ⁷ Что до меня, то я остался прежним, то грустным, унылым, молчаливым, то смешливым и веселым, как двухлетний шалун. Во мне столько зависимости от пустяка, от серого неба, от жужжащей мухи, от случайно брошенного слова — так я нервен. Я чувствую себя больным, озлобленным и старым, или же пресыщенным, что еще хуже (*франц.*).

3

А. Е. Врангель — Достоевскому

25 октября 1859 г. Петербург

25 октября 1859. С.-Петербург.

Несколько дней, что воротился из деревни, и виноват, друг мой, что до сих пор не отвечал! Только третьего дня узнал, что Тотлебен говорил об Вас с Долгоруковым, показывал ему Ваше

жду появления Вашего романа. Помнится, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения и выставить, мне па показ, мой характер.⁶ Недавно с такою же просьбою обратился ко мне Полонский, свидетель и поверенный моих баденских бедствий.

От души благодарю за спасение моих книг и ковра, вышитого еще покойной матерью, — я очень ценю их. Не нашли ли Вы в ящиках или чемодане кое-какие охотничьи принадлежности, минералы и древности?

Брат мой выходит завтра первым или вторым из военной Академии и поступает обратно в Конно-Гвардию. Я буду жить с ним, а не с отцом. Кланяйтесь Марье Дмитриевне, радуюсь очень скоро Вас увидеть. Пишите, ради бога, и будьте спокойны, все уладится к лучшему.

Преданный друг

А. Врангель.

Врангель отвечает на письмо Достоевского от 4 октября 1859 г. (П., I, 261—262). Речь идет о хлопотах по переезду Достоевского в Петербург.

* Знакомство Достоевского с Я. П. Полонским вскоре состоялось и переплю в дружеские отношения. В 1861—1864 гг. Полонский печатает свои стихи и поэмы в журналах «Время» и «Эпоха».

⁴ О. Н. Гаранов в «Колоколе» писалось как о «человеке истинно благородном, желающем добра и сочувствующем всему хорошему» (л. 65—66 от 15 марта 1860 г.).

⁵ Левов Федор Николаевич (1823—1885), офицер лейб-гвардии Московского полка, преподаватель (с 1847 г.) Павловского кадетского корпуса, петрашевец, член дуровского кружка. Был приговорен к расстрелу, но по конфирмации получил 12 лет каторги и отбывал ее сначала в Нерчинском округе, потом в Александровском серебро-плавильном заводе. С 1856 г. жил в Иркутске на поселении. Достоевский упоминает о нем в письме к М. М. Достоевскому из Омска от 22 февраля 1854 г. (П., I, 140).

⁶ Как отметил комментатор, речь, вероятно, идет о замысле «Весенней любви» (3, 539). Действительно, в этом замысле могли отразиться какие-то стороны отношений Врангеля—Достоевского («красавчика князя» и «литератора»). В их отношениях не все было столь гладко, как это изображает Врангель в «Воспоминаниях». Так, объясняя М. Д. Исаевой, почему он не может жить вместе с Врангелем, Достоевский подчеркивал разницу характеров: «2. Мой характер. 3. Его характер» (Семипалатинск, 4 июня 1855 г. — П., I, 154). Не случайно и однажды вырвавшееся (правда, много лет спустя) досадливое восклицание «...все эти Врангели» (П., II, 6). Ср. в «Весенней любви»: «Знатный МГ, богатый и его пришлепник ездят», «Литератор имеет нравственное влияние над князем, а тот над ним физическое, денежное (и мстит ему за нравственное влияние бессознательно)». «Идея» девочки, невесты, напоминает историю с ученицей Достоевского, 17-летней красавицей Мариной О., дочерью ссыльного попяка, которая «усилиенно кокетничала и задорно заигрывала с своим учителем» (Врангель, с. 82) и к которой очень ревновала Достоевского Мария Дмитриевна. (Марина была выдана замуж за «старого, необразованного хорунжего» Семипалатинского казачьего полка, который, чтобы спасти свою честь, «запирал Марину, а чтобы она не могла выбраться из дома через окно, он ставил ее на колени спиной к комоду, клал косы ее в ящики, комод задвигал, запирал на замок, а ключ уносил с собой» (Врангель,

с. 83). Это напоминает намерения чиновника из «Весенней любви»: «Она будет доброй женой. Женясь, я тотчас же приму необходимые меры...» (3, 446).

4

А. Е. Врангель—Достоевскому

9 ноября 1859 г. Петербург

Немедленно по получении Вашего письма, друг мой Федор Михайлович, я написал несколько строчек Тотлебену, приложив и Ваше ему послание и отправил на следующее утро с человеком.¹ Сам я уже две недели что лежу дома больным. Эдуард Иванов

нович передал мне, что на другой же день будет ответ, который я до сих *<пор>* жду и который удерживает меня писать Вам. Вот прошло 4 дня, а ответа нет, да и какой это должен быть ответ? Я ничего не спрашивал, а только очень вежливо благодарил его за все, что он так благородно делает моему другу. Я думаю, что Вы, имея в руках письмо Тотлебена о согласии Тимашева и Долгорукова на Ваше водворение в столице, смело можете теперь приехать сюда хотя бы на короткое время, чтобы лично переговорить с этими господами; думаю даже, что гр^аф Баранов сам посоветует это.

Сижу, друг мой, дома и никого не вижу; на днях был брат Ваш у меня, да все это на такое короткое время, что и поболтать некогда; уф, Питер! Питер! Такой оmut, что и самого незаметно затянет. Сегодня распространился слух, что будто бы Франция объявила войну Англии!!! Что-то сильно не верится. В городе только и говорят о ссылке Безобразова; вероятно, и у Вас в Твери знают все подробности этой мелодрамы прогресса, свободы и всего, о чем мы мечтаем, на что так много надеемся.² Скажу одно — эта история a fait de M-r Besobrasoff une retenue qu'on regrette beaucoup quoique au fond c'est un grand cochon pire que lui-même.³

Читаю еще раз «Обломова», чудо как хорошо! а есть, подумашь, господа, которые ругаются!⁴ Что Вы поделываете, что пишете? Жду с нетерпением появления Вашего романа; не узнаю ли в нем знакомые личности; помните, как в Сибири Вы собирались всё писать и себя, и X., и меня — да жду наших портретов.⁵

Сегодня обещались быть кое-кто, провести вечер. Жду и Полонского, а по^{тому} должен кончить письмо, чу! уже звонят... прощайте, душа моя, жму крепко Вашу руку и прошу кланяться Марьедмитриевне.

Вам преданный друг и брат А. Врангель.

9-го ноября 59, вечером.

1 В этом письме Врангель писал Э. И. Тотлебену: «.. поездка в Деснину лишила меня удовольствия лично вручить Вашему превосходительству письмо друга и товарища моего Ф. М. Достоевского. Мой дядя, генерал Мандерштейн, исполнив это поручение за меня, передал мне и Ваш ответ, своевременно сообщенный мною в Тверь. Ныне ради болезни снова не могу иметь честь пожать Вашу руку за все, что Вы так благородно, великодушно готовы были сделать для несчастного человека, не имеющего ни связей, ни опоры. Не знаю, как и благодарить Вас, Эдуард Иванович, за добро, оказанное моему другу, который, конечно, достоин его и на деле постараётся оправдать Ваше к нему доверие и ходатайство.

Прилагая при сем письмо на имя Вашего превосходительства, я прошу дозволить мне по выздоровлению лично явиться к Вам, чтобы сообщить некоторые подробности, касающиеся Ф. М. Достоевского, в судьбе которого Вы приняли такое горячее участие.» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 236).

2 В конце 1859 г. реакционная дворянская оппозиция, во главе которой стояли М. А. Безобразов и граф В. П. Орлов-Давыдов, подала записку на имя Александра II. Записка была направлена против Редакционных комиссий и в ней содержались возражения против основных положений крестьянской реформы, уже одобренных государственным аппаратом. В результате 4 ноября этого же года М. А. Безобразов был уволен со службы и ему запретили пребывание в столице (см.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, т. II. Берлин, 1861, с. 93—109, 202—254).

3 Эта история сделала из господина Безобразова скромника, о котором очень сожалеют, хотя в сущности это большая свинья, если не хуже (франц.).

4 Роман «Обломов» был напечатан в первых четырех книгах «Отечественных записок» за 1859 г.; в этом же году он вышел отдельным изданием. Вскоре после его появления «С.-Петербургские ведомости» отместили, что роман «возбудил, при появлении своем, бесконечные толки, которые не совсем замолкли еще и теперь ...». Этот роман принадлежит к числу произведений, о которых долго не перестают говорить и о которых слышатся самые противоположные суждения» (1859, № 289). Об отношении к нему критики и различных кругов русских читателей 60-х годов см. в книге Гейтлина А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950, с. 192—214.

5

А. Е. Врангель — Достоевскому

29 февраля 1860 г. Петербург

Дорогой Федор Михайлович, не был я у Вас потому, что всё еще не выхожу из своей комнаты, но если доктор позволит мне выезжать, то в среду буду у Вас.

Будьте так добры, пересмотрите и доправьте I часть моей статьи с Мыса Добр^{ой}. Надежды — она у Вашего брата и спросите его, сказал ли он Майкову возвратить мне рукопись о Княжне Екатерине Таракановой, которую я дал ему года три тому назад.¹ Кланяйтесь Марье Дмитриевне — хорошего должна она быть обо мне мнения.

Преданный Вам от души Александру Врангель.
Воскресенье.

Ради бога, напишите мне кое-что о себе и о Ваших; Вы не поверите, с каким нетерпением я ожидаю это письмо. О смерти Михаила Михайловича я узнал из газет,² не говоря об огромной потере, понесенной семейством, — много потеряло в нем и наше литературное общество, а всего более Вы — это ведь был Ваш верный друг и брат. У меня было столько занятий на Востоке, что я совершенно отстал от нашей литературы, теперь дело другое, времени много, и я с рвением собираюсь читать всё. Начинаю просыблю выслать мне Ваши последние произведения и в особенности «Записки из Мертвого дома». Где Валиханов? — дайте мне его адрес; ³ передайте поклон Полонскому и Майкову и выпшите мне непременно свой портрет и адрес. Пишите мне по следующему адресу *(конец письма утрачен)*

1 отец семейства

(лат.)

² М. М. Достоевский умер 10 июля 1864 г. (см.: Русский инвалид. 1864, 12 июля, № 155). М. М. Достоевский вступил на литературное поприще в конце 40-х годов. В 1848 г. в «Отечественных записках» появились его повести «Дочка» и «Господин Светелкин», рассказ «Воробей», а также перевод поэмы Гете «Рейнеке-Лис»; в «Библиотеке для чтения» опубликовал перевод драмы Шиллера «Дон-Карлос». Позднее вышли его рассказ «Два старичка. Из воспоминаний праздного человека», повесть «Пятьдесят лет», комедия «Старшая и меньшая» (см.: Собр. соч. М. М. Достоевского в 2-х томах. Изд. «Пантеон литературы», 1915). Врангель с большой симпатией описывает «молодого, премилого офицера-киргиза» Валиханова, который познакомился с Достоевским в Омске у Ивановых и очень полюбил его» (*Врангель*, с. 95). Об Ивановых см. примеч. 17 к письму I.

7

А. Е. Врангель — Достоевскому

23 апреля (5 мая) 1865 г. Копенгаген

Копенгаген, 5 мая 1865.

Душевно благодарю Вас, добрейший мой друг, за длинное и обстоятельное письмо Ваше! Грустные новости передаете Вы мне: никогда не мог я думать, что в эти 4 года разлуки Вы пережили столько мучений. Правда, я начинаю быть фаталистом и верить, что есть люди, коих судьба — вечное горе в сем мире. Как смели Вы предполагать даже, что я сердился на Ваше молчание? Я никогда не сомневался в Вашей искренней дружбе и объяснял это тем, что — или письма мои не дошли, или особыне обстоятельства не дают Вам времени писать. К несчастью, последнее предположение оправдалось. Трудная выпала Вам доля, вся жизнь Ваша полна лишений и борьбы. Ваше горе сильно меня оскорбило, а еще более, что я не могу помочь другу, даже обнять Вас и ободрить словами, глаз на глаз. Но я уверен, что с Вашим характером и энергией Вы выпуститесь.

Ёлагодарю за предсмертный поклон Марии Дмитриевны, мир праху ее! Всё, что Вы говорите об ней, — подходит отчасти и к моим отношениям с женой; и мы любим друг *(друга)*, понимаем, что не можем жить друг без друга — а между тем внутренне чувствуем, что наши натуры, взгляды на жизнь, идеи, привычки так разны, что, право, удивляешься, как два такие существа могут жить вместе и в мире.

Моя Анюта болезненно-нервная женщина, воспитанная en *princesse russe*, без всякого понятия о жизни, лишениях. Она полагает, что жизнь дана для удовольствия и счаствия; борьба с судьбою ей ненонята, малейшее усилие к тому ее страшит, а между тем материальная обстановка моя очень незавидна. Я работаю, отказываю себе во многом и стараюсь забыть, заглушить черные мысли. Но об этом будем говорить при первом свидании, и в письмах ни слова. Мне трудно сказать Вам, счастлив или несчастлив я. Дети мои меня утешают — кроме их ласк *<?>* я слышу только ропот на судьбу, вздохи и слезы да ненавистные лица докторов. Вы первый, друг мой, кому я высказал тайну моей жизни. Меня мучают еще две вещи. 1-ое) Самовольное изгнание из России, где все, что я люблю: родные, деревни, друзья и материальные интересы. К несчастию, изгнание это продолжается долго, быть может всегда. Жена ненавидит Россию, не выносит климат Петербурга; к тому же я не могу бросить службу ради жалованья. 2-ое) Я чувствую себя одиноким — нет не только друга, но и человека, с которым мог бы поговорить. Со временем нашей разлуки я сошелся с двумя личностями — обе были мои сослуживцы в Бухаресте; один был мой начальник Гирс — теперь посланник в Тегеране, другой — старший драматург; но и с теми судьба разлучила.

Я отправляю семейство мое в конце мая в Питер, в деревню к отцу моему; сам же собираюсь в отпуск только в начале июня с. г. и, конечно, буду у Вас; скажите только свой адрес. Как рад буду я видеть Вас в Копенгагене, не говоря уже о приятности свидания — город представит Вам много интересного, музеи здешние замечательны, местность вдоль Зунда красива, Швеция — рукой подать. Вы, конечно, остановитесь у меня, и вместе мы вспомним о прошедшем... какое интересное слово: прошедшее!!

Настоящая деятельность моя служебная — нуль: не то было на Востоке в Придунайских княжествах. Подвигаюсь я тут, ибо не привык гнуть спину перед Горчаковым,² льстить сильным мира сего, торчать в передней и пресмыкаться в Министерстве, в Петербурге, в сей клоаке интриг, мерзостей и непотизма.

Впрочем, отношения мои с начальством и товарищами хороши, со временем Семипалатинска я ни с кем нессорился и не ругался. Природа наградила меня *великой дозой терпения*, немецким, которое так ненавидят Катков и «С.-Петербургские ведомости», и я пойду тихо вперед с божьей помощью.

Если издание предполагаемого журнала состоится — то напишите мне, пригодится ли Вам статейка (переводы) из Petermann's Геогр^афического сборника и других современных обозрений.⁵

Врангель писал о пребывании у него Достоевского: «Приехал он ко мне 1-го октября, прожил у меня неделю, очень понравился моей жене и много возился с двумя моими детьми ... Очень радостна была наша встреча; всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о «Казаковом саде»; о наших сердечных увлечениях и пр., и пр. Много говорили и о покойнице Марии Дмитриевне, и о красавице Марине О., которую так ревновала к нему его жена. Невольно в откровенной дружеской беседе коснулись и его семейной жизни и странных, мне непонятных и по сию пору, взаимных отношений супругов». (*Врангель*, § 215).

² См. ответ Достоевского на это письмо (из Петербурга 8 (20) ноября

1865 г. — П. I, 423—424).

³ Речь идет о Н. М. Достоевском.

⁴ Ковалевский Егор Петрович (1811—1868), путешественник и писатель, государственный деятель, председатель Литературного фонда, секретарем и членом которого (с 1863 г.) был Достоевский.

⁵ О «предполагаемом журнале» см. в письме Достоевского к Врангелю от 8 (20) ноября 1865 г. (П. I, 423—424). На предложение Врангеля (присылке переводов Достоевский не ответил).

10

А. Е. Врангель — Достоевскому

5 (17) декабря 1865 г. Копенгаген

Копенгаген, 5/17 декабря 1865,

Не отвечал Вам, добрый друг, сейчас на Ваше письмо¹ вследствие хлопот по разным случаям, о которых не стоит и говорить. Главное — жена моя была 7 недель очень больна — теперь, слава Богу, лучше. Зато я сам пролежал семь дней в постеле. Записку Вашу и счет с парохода я получил только три недели тому назад и заплатил фунт. Сегодня ожидаю вещи из Любека, о которых я предвидел и душевно благодарю Вас за их высылку — очень кстати, ибо здесь начинаются холода. Все, что Вы сообщаете о себе и о делах Ваших, — весьма неутешительно; главное — Ваше здоровье; ради Бога, берегите себя. Пишете Вы мне советах Полонского насчет предполагаемой субсидии и журнале. Ам оба им лучше знать, что делать, но я полагаю, что Ваше письмо доставит Вам всегда подписчиков и приготовлять публику чего: она Вас давно знает. Главное выхлопотать право издать журнал или газету под своим именем. Насчет субсидии — ветую все-таки попробовать — чем черт не шутит! Я пропою им еще раз свою старую песню: лучше верный рубль, нежели миллион в надежде; а потому умоляю Вас, ищите место, службу, правит^а или частное — все равно, лишь бы был верши кусок хлеба. Ведь у русского человека, и особенно в Петер-